

Нормальное и измененное состояние правосознания

Несмотря на все усилия, ученых сознание продолжает хранить свою тайну. В качестве предварительного объяснения такого положения дел может послужить утверждение М.К. Мамардашвили, что «...сознание – это весьма странное явление, которое есть и которое в то же время нельзя ухватить, представить как вещь»¹. «Непроясненность» многих аспектов феномена сознания сказывается и на развитии теории правосознания, что влечет за собой трудности в формировании действенных механизмов правового регулирования, развитии методологии правовой социализации личности и создании системы методик объективной оценки правовых отношений, складывающихся в современных обществах.

В теории сознания существует множество направлений, оказывающих самое непосредственное воздействие на продуктивность решения проблем правосознания. К их числу следует отнести дискурс, сформировавшийся вокруг исследования вопросов, связанных с проблематикой измененных состояний сознания. Здесь так же, как и в теории сознания, можно наблюдать определенный научный пессимизм по поводу концептуализации имеющихся знаний по этому вопросу. Так, Ч. Тарт отмечает, что в настоящее время наших знаний недостаточно для формирования хоть какой-то концепции измененных состояний сознания².

Несмотря на имеющиеся пробелы в теории сознания и возникающие в связи с этим методологические трудности в исследовании схожих проблем правосознания, тем не менее, представляется своевременной постановка вопросов о нормальном и измененном состоянии этого феномена. Возможно, что полученные ответы в процессе проводимой исследовательской работы по данной правовой проблематике помогут также и в развитии общей теории сознания.

---

¹ Мамардашвили М. К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 3

² См.: Тарт Ч. Сон-«кайф»: новое состояние сознания // Измененные состояния сознания. М., 2003. 88–97 с.

О нормальном правосознании писал еще И.А. Ильин, утверждавший, что это «есть прежде всего воля к цели права, а потому и воля к праву; а отсюда проистекает для него и необходимость *знать* право и необходимость жизненно осуществлять его, т.е. *бороться за право*. Только в этом целостном виде правосознание является *нормальным правосознанием* и становится благородной и непреклонной силой, питающейся жизнью духа и, в свою очередь, определяющей и воспитывающей его жизнь на земле»¹. На философско-правовые воззрения отечественного мыслителя оказали сильное влияние идеи Гегеля (об этом косвенно свидетельствует также тема докторской диссертации И.А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека»), чье воздействие сказалось на его концепции нормального правосознания, придав ей во многом идеалистический и телеологический характер. Так, философ-правовед утверждает: «Воля к духу, т.е. воля к автономной жизни, посвященной абсолютно-ценному, есть именно тот мотив, который лежит в основе нормального правосознания и который должен лечь в основу всякого правосознания как такового. Это есть тот универсальный мотив, который уже присущ каждому человеку и который в своем истинном развитии и углублении неизбежно выковывает в душе волю к цели права»².

Нормальное состояние правосознания является следствием «нормального» существования человека в определенных социально-правовых условиях, когда его естественные права не нарушаются и у него есть возможность реализовывать свой духовный потенциал в рамках существующих общественных отношений. Это открытая духовно-правовая система, отличающаяся целостностью и единством: «нормальное правосознание ведет не раздвоенную, а единую и целостную жизнь, и если оно видит перед собою исторически данное раздвоение права, то оно целиком обращается к борьбе за единое, правое право и за восстановление своего внутреннего, предметного, духовного единства»³. Другой его особенностью является генетическая связь с правовым прогрессом, который с социально-

---

¹ Ильин И.А. О сущности правосознания // Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 81.

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 81.

политической точки зрения «состоит в таком развитии права в мировой истории, при котором с его помощью утверждаются общечеловеческие, общедемократические ценности, начала законности, противостоящие произволу и беззаконию, формируется демократическое гражданское общество, неотъемлемым элементом которого становится право, сильное и эффективное»¹.

Для каждого человека критерием «нормальности» состояния правосознания выступает адекватность его активных реакций на феномены правовой реальности, оказывающие на него непосредственное или опосредованное воздействие. Здесь необходимо помнить об одной из наиболее распространенных когнитивно-психологических ошибок, о возможности возникновения которой предупреждал еще К.Г. Юнг: человек почти всегда предполагает, что все вокруг думают и переживают примерно так же, как и он, за исключением, пожалуй, «сумасшедших». Соответственно, признается не нормальным, если кто-либо думает иначе и переживает правовую ситуацию не так, как это принято в данной социальной группе. Нормальное состояние правосознания человека находится в относительной гармонии с правовыми ценностями и установками всех остальных «нормальных» людей при условии их принадлежности к одному исторически сложившемуся типу правовой культуры, основу которой составляют общечеловеческие ценности и установки естественного права. «Нормальность» реакций субъекта, детерминируемых его правосознанием, может не признаваться таковой членами других человеческих сообществ. Например, подавляющее большинство «примитивных» народов считает, что кровная месть является не только необходимой, но и обязательной для исполнения нормой социальных отношений, и тот, кто не способен на это, признается моральным и психическим «выродком», не достойным уважения ни соплеменников, ни своих врагов. Еще Гегель отмечал, что «у необразованных народов месть бессмертна, как, например, у арабов, где помешать ей может лишь высшая сила или невозможность совершения акта мести»². Здесь возникает проблема универсальности правовых

---

¹ Алексеев С.С. Теория права. М., 1993. С. 142.

² Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 152.

ценностей и объективности критериев определения «нормальности» состояния правосознания.

А.В. Иванов схематично представил «поле» сознания в виде круга, поделенного на сектора¹. С помощью дедукции используя его основные методологические положения и теоретические выводы, структуру нормального состояния правосознания можно условно изобразить схожим образом (см. рис. «Поле нормального состояния правосознания»). Здесь надо подчеркнуть, что эта схема лишь приблизительно отражает форму реального правового сознания.

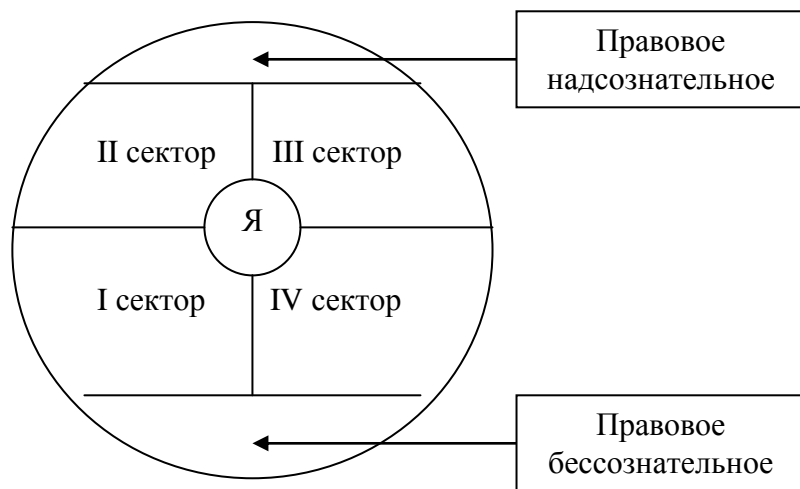

Рис. Поле нормального состояния правосознания

В *первый* сектор поля нормального состояния правосознания входит совокупность перцептивных способностей человека и получаемая на их основе первичная информация о субъектах, объектах и процессах правовой реальности. К этим способностям следует отнести восприятие индивидом явлений правового бытия и, складывающиеся на его основе, конкретные представления субъекта о своем юридическом статусе, действующих легитимных нормах, внешних феноменах правового бытия, оказывающих на него непосредственное воздействие. Главным регулятивом здесь выступает целесообразность и прагматизм правового поведения, которые являются одними из важнейших источников нормального состояния правосознания.

¹ См.: Иванов А.В. Сознание и мышление. М., 1994.

При переработке первичной правовой информации в процессе восприятия, отличающегося индивидуальностью и селективностью, используются разнообразные когнитивные механизмы, изменяющие, фильтрующие, кодирующие и декодирующие извлекаемые данные. Функцию фильтра здесь выполняет перцептивная схема (форма, стереотип), входящая в структуру извлечения правовой информации, и отсеивающая ненужное, пропуская необходимые сигналы для заполнения имеющегося формата. В первую очередь восприятие отбирает то, что необходимо для выживания человека. Процессы первичной обработки информации и формирования конкретных представлений в основном проходят бессознательно, предоставляя возможность когнитивной системе субъекта осуществить гипотетическую реконструкцию реального правового мира.

Второй сектор поля составляют логико-понятийные компоненты правосознания, с помощью которых происходит рационализация и формализация мыслительного процесса. В данный сегмент входят юридические категории, формы правового мышления и логических доказательств. Здесь основной целью и регулятивом выступает истина, познание которой происходит главным образом с помощью формально-логических приемов и методов. Под правовой истиной здесь понимаются суждения, объективно отражающие правовую реальность. Логико-понятийный сегмент «отвечает» за рациональность правового мышления субъекта, выполняя функцию системообразующего компонента профессионального правового сознания и определяя его интенции. Профессиональные юристы всегда стремятся к точным знаниям, осознавая, что могут достичь заслуженного успеха лишь в том случае, когда обладают юридическими истинами, позволяющие им хорошо ориентироваться в любой правовой ситуации. Поиск юридической истины всегда являлся сложным процессом. Как известно, четкую границу между истиной и ложью не позволяют нам провести ни ее общее признание и непротиворечивость, ни имеющийся юридический опыт и успех в практической деятельности. Необходимо здесь отметить, что обладание человеком всеми истинами позитивного права еще не

гарантирует наличности у него нормального правосознания, которое «не сводится к одному «знанию», но включает в себя все основные функции душевной жизни: и прежде всего – волю, и притом именно – *духовно воспитанную волю*, а затем – и чувство, и воображение, и все культурные и хозяйственные отправления человеческой души»¹.

М. Вебер выделял два типа рациональности социального поведения: целевую и ценностную. Исходя из его типологии, можно выделить также два типа рациональности правового поведения. В основе целерационального поведения лежит ожидание человеком определенных воздействий на него со стороны других людей и объектов, которое он использует в качестве «средств» достижения рационально выбранной цели. Целевая рациональность относится ко второму сектору правосознания.

Ценностно-рациональная деятельность субъекта правосознания направляется *третьим* сектором поля правового сознания. Она основывается на вере в безусловную правовую, этическую, религиозную или другую ценность поведения как такового независимо от того, к чему эта ориентация приведет. Третий сектор является ценностно-смысловой компонентой поля правового сознания. Основными регулятивами здесь выступают такие аксиоланты как справедливость, правда, гармония и гуманизм. В этот сектор входят духовно-правовые идеалы человека, создающие основу высшей мотивации его деятельности в сфере права, а также способности к их формированию и глубокому пониманию в виде интуиции и творческого воображения.

Духовно-правовые идеалы личности, структурирующие данный сегмент правосознания, представляют собой устойчивые по своей природе, подвижно-динамические по воздействию на социальное поведение субъекта, целостное и полиструктурное по организации идеально-смысловое образование, производящее в субъекте позитивные эффекты его преобразования. Данные идеалы выступает истоком и символом целостности не только правосознания, но и правового бытия в целом, принципами и ориентирами, с помощью которых

---

¹ Ильин И.А. О сущности правосознания // Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 83.

совершается человеком правовая деятельность. Следует согласиться с Н.Н. Вопленко, что объективная «оценка состояния законности, правосудия, действующего законодательства и практики его реализации позволяют своевременно и адекватно реагировать на мир правовых явлений, формировать к ним свое отношение»¹. Объективность оценки человеком тех или иных правовых феноменов зависит от глубины его понимания установок естественного права.

Эмоционально-чувственная компонента поля правосознания – это его *четвертый* сектор, содержание которого составляют субъективно-психологические переживания личности, вызванные феноменами правового бытия. В данную компоненту входят, во-первых, правовые чувства – высший продукт эмоционального развития личности, имеющий причинно-обусловленную природу, определяемый во многом социально-историческими факторами и отличающийся устойчивостью эмоционального отношения человека к событиям правовой жизни (ненависть к преступнику, признательность правоохранительным органам, уважение к суду и т.д.); во-вторых, эмоции – непосредственные психические реакции субъекта на практически все явления права, оказывающие какое-либо воздействие на психическое состояние человека (страх перед уголовным наказанием, удовлетворение судебным приговором, радость, вызванная торжеством закона, и т.д.); в-третьих, сильные переживания, стрессы, аффекты, галлюцинации, т.е. психические состояния, практически не поддающиеся контролю со стороны «Я».

Нижний сектор поля – это сфера правового бессознательного, в который входит совокупность содержаний, находящихся за актуальным полем правосознания. Исходя из концепции бессознательного К.Г. Юнга, в данном сегменте можно выделить личностный слой, включающий в себя все приобретения индивидуального правового бытия человека (забытое, вытесненное, воспринятое под порогом сознания), и коллективное бессознательное, возникающее из наследственной возможности психического функционирования вообще, следствием которого являются архетипические образы, проявляющие

---

¹ Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград, 2000. С. 8.

порой вопреки имеющейся правовой и культурной традиции. В коллективном слое правового бессознательного следует искать первоисточки естественного права.

Верхний сектор представляет собой совокупность надсознательных способностей правосознания. Во многих гносеологических системах утверждается, что высшие истины открываются человеку лишь в актах сверхсознательного озарения. В ряде религиозно-мистических доктрин одним из основополагающих постулатов является идея божественного творческого экстаза, в процессе которого индивид, получая необходимые знания, выходит за собственные телесные и сознательные границы. Спиноза отмечал в трактате «О Боге, человеке и его счастье», что человеческая свобода есть прочное существование, которое наш разум получает благодаря непосредственному соединению с Богом, с тем, чтобы вызвать в себе идеи, а вне себя – действия, согласующиеся с его природой. Если отложить религиозно-мистическую составляющую суждения Спинозы, то можно сделать следующий вывод из его высказывания: надсознательные способности позволяют субъекту творчески «вызывать» идеи, влекущие креативные действия и поступки, которые и делают его по настоящему свободным человеком. Например, к таким величайшим достижениям человеческой мысли следует отнести идею о естественных правах, полное осуществление которых возможно лишь в демократическом и правовом государстве.

С *центральным* сектором поля нормального состояния правосознания соотносится психо-правовая самость человека («Я»). Ее важной характеристикой выступает способность человека строить отношения с другим субъектом, природным объектом и объективированной социальной средой. Особое значение в процессе выстраивания отношений имеет правовая рефлексия, являющаяся основой и истоком осознания личностью своего правового статуса. «Я» есть психическая основа субъективного права личности, которое «в зависимости от стадии его реализации может выступать как *право-поведение, право-требование,*

*право-притязание и право-пользование»*¹. Без «Я» не возможна реализация ни одной из этих стадий.

В отношении правового бытия становление «Я» идет в русле правовой социализации. Если в архаических обществах «Я» не развито как социально-правовое явление, то зрелые культуры придают самости человека приоритетный статус. По мнению А.В. Иванова, «Я» есть словесно-психический способ фиксации восхождения подлинной духовно-космической самости субъекта по неровной вертикали сознания. Трансформации правосознания находятся в прямой зависимости от состояния «Я», которое может выступать как их эпицентром, так и практически полностью «раствориться», уйдя за рамки актуального поля сознания.

Н.А. Бердяев утверждал, что «направленность духа определяет структуру сознания»². Действительно, при нормальном состоянии правосознания духовно-правовые смысло-ценностные концепты, вырабатываемые с помощью сверхсознательного, проникая под воздействием «Я» в различные сегменты поля правосознания, стимулируют активность человека, призывая его к социально позитивной деятельности. Так, справедливость, как ценностно-смысловой регулятив, задает идущий от «Я» алгоритм перцептивному сектору по фильтрации информационного потока с целью вычленения и обработки необходимых данных, которые через призму правовых чувств рационализируются во втором секторе поля правосознания с помощью логико-понятийных компонентов и могут уже интерпретироваться, например, как обеспечение личностью своих прав и свобод, несправедливо нарушенных внешней силой. Ментальные особенности человека, коренящиеся уже в его личностно бессознательном слое правосознания, придают свой характер и культурный стиль, рационально выстраиваемой им, системе защиты своих прав и свобод.

По У. Джеймсу, наше нормальное сознание представляет лишь одну из форм сознания, которая существует наряду с другими его формами, отделенные от него

---

¹ Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 84.

² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 41.

лишь тонкой перегородкой. Человек может даже не подозревать о них, но при определенных стимулирующих условиях они становятся доминирующей структурой в психической и социальной жизни субъекта, находя свою область применения. Изменение нормального состояния правосознания происходит в самых различных направлениях и алгоритмах, которые с точки зрения позитивности правового развития можно разделить на две группы: прогрессивные и регрессивные. В данных процессах всегда участвует «Я», которое под воздействием ряда внешних и внутренних факторов начинает вести себя «ненормально». Варианты здесь могут быть самыми разнообразными, и вряд ли возможно их все перечислить. В зависимости от ситуации «Я» может «раствориться» в сверхсознательном или правовом бессознательном, на долгое время «уйти» в сферу правовых чувств и эмоций, вопреки рациональным доводам правового мышления «зависнуть» в ценностно-смысловой части поля, быть «блокированной» волевым усилием субъекта в логико-понятийной компоненте, «раздваиваться», получая противоречивые импульсы от разных сегментов правосознания, и т.д. Так, «Я» раздваивается в социально-правовой ситуации, когда «естественное правосознание утверждает не то, о чем говорит знание положительного права, и в результате этого душа приобретает два различных правосознания, ибо наряду с естественным возникает правосознание положительное, не совпадающее с ним по содержанию»¹.

Измененное состояние правосознания для человека – это осознание им (или сторонним наблюдателем) характерных качественных изменений паттерн ментального функционирования, которые приводят к существенным отличиям установок правового поведения субъекта по отношению к действующим нормам позитивного права. Такого рода отклонения могут быть представлены коренными изменениями оценки собственного правового статуса, интенций правосознания и формальных характеристик правового мышления, индивидуальной методики оценки легитимных норм социальных отношений, которая становится принципиально отличной от используемой ранее. Жизнь дает множество

---

¹ Ильин И.А. О сущности правосознания // Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 80-81.

пограничных ситуаций, когда человек не в состоянии точно различить, насколько состояние его правосознания отличается от нормального. Подобное происходит, например, когда он попадает в сильную социально-психологическую зависимость от лидера (религиозного, политического, криминального). Заметные трансформации паттерн в ментальном функционировании правосознания являются критерием его измененного состояния, при котором правовое поведение субъекта начинает кардинально отличаться от его прежнего алгоритма общественно значимых действий и вступает в противоречие с нормами позитивного права.

Возникает измененное состояние правосознания в обстановке, которая препятствует нормальным процессам правовой социализации личности, когда ее «эмоциональное настроение», течение и организация внутренних душевных процессов не находятся в норме. Для поддержания ее нормального состояния необходимо создавать оптимальный уровень внешней социокультурной стимуляции, которая в зависимости от целого ряда обстоятельств может радикально ослабляться или усиливаться, способствуя формированию измененного состояния.

Брутальное вмешательство в процессы социокультурной стимуляции человека может вызвать деструктивные изменения нормального правосознания. Значительное ослабление стимулирования социальной активности человека провоцируется рядом внешних и внутренних факторов, что и приводит к измененным состояниям. В этой роли могут выступать длительная социальная депривация, тюремное заключение и даже состояние крайней скуки, приводящие к такой социально-психологической форме, которую можно охарактеризовать как «пассивное правосознание». При данном виде измененного состояния правосознания на низком уровне находятся активность, готовность к целенаправленным действиям и рациональность правового мышления индивида. С течением времени бездеятельный человек теряет общественно значимые ориентиры, его структура правосознания деформируется, он уже не может объективно оценивать правовую действительность. Другая крайность – это резкое

повышение стимуляции активности человека, когда происходит его сильное возбуждение и перегрузка, приводящая также к измененной форме правосознания. Она может возникнуть у человека в ситуациях «промывания мозгов», полной психической вовлеченности в выступление радикального и харизматического оратора, эмоционального заражения толпой при массовых беспорядках, транса во время оргий сатанистов. Изменения в правосознании появляются в состояниях внутреннего конфликта и дополняются внешними факторами, провоцирующими усиление эмоционального возбуждения. Примерами таких состояний можно считать различные формы деперсонализации, панические настроения, реакции гнева, «мистическую» одержимость и т.п.

Появлению измененных состояний правосознания способствуют и психосоматические факторы, которые могут создаваться преднамеренно или возникать в результате сложившихся обстоятельств, когда человек плохо или вообще не контролирует себя. Это может быть вызвано длительным голоданием, обезвоживанием организма, дисфункцией щитовидной и надпочечной желез, дефицитом сна, употреблением алкоголя. Кроме того, измененные состояния правосознания могут быть вызваны приемом фармакологических возбудителей – наркотических, обезболивающих, седативных и стимулирующих препаратов.

Хотя у различных форм измененного правосознания есть много значительных отличий, тем не менее, можно говорить о существовании таких общих социокультурных и психологических феноменов, которые стимулируют появление однородных алгоритмов в действиях людей и создание границ индивидуального правового опыта, которые человеку очень сложно преступить. К ним следует отнести такие базовые процессы и влияния, как установки естественного права, одобряемые социальной группой субъекта правовые ценности, социокультуральные ожидания, исполнение общественных ролей, факторы коммуникации. Данные базовые влияния работают на создание общих форм измененного правосознания человека, опираясь в этом процессе на архетипы коллективного бессознательного. Отфильтрованные базовые влияния активно использовали тоталитарные режимы XX века для массового

формирования соответствующих измененных состояний правосознания своих граждан, которые становились объектами чудовищных манипуляций.

Несмотря на очевидные расхождения среди измененных форм правосознания можно выделить их общие свойства, которые позволили бы нам трактовать данные состояния как некий единый феномен. К ним следует отнести: *деформацию нормального поля правосознания, иррациональность правового мышления, вступающего в противоречие с основными законами формальной логики; нестандартность восприятия и оценки феноменов социально-правовой жизни; повышенная внушаемость и самовнушаемость; размывание личностных границ, в процессе которого исчезают барьеры между «Я» и «Другой», «Я» и «Мир»; изменения самооценки личностного правового статуса, связанные с самоидентификацией; утрата самоконтроля и контроля над социально-правовыми процессами, в которые «включен» индивид; доминирование эмоционально-чувственного над формально-логическим в выборе ориентиров правового поведения.*

Изменения в правовом сознании субъекта могут носить регрессивный характер и проявляться у него как ослабление концентрации внимания, неадекватная избирательность памяти, нарушение формально-логических правил построения суждений и умозаключений. Ведущим может стать архаический стиль мышления, отличающийся примитивностью мыслительного процесса. В силу внутренних причин часто нарушается способность человека к проверке истинности имеющейся информации о правовой реальности. Регрессивные изменения в мышлении приводят к резкому снижению уровня правовой рефлексии и повышению роли правового бессознательного. В результате изменений в мышлении происходит также стирание различий между причиной и следствием, амбивалентность получает сильное выражение. В правовом сознании становится возможным сосуществование противоположных импульсов в отношении одного и того же субъекта или объекта права. У человека появляется склонность вкладывать повышенный смысл в свои субъективные переживания, примитивные размышления или конкретные восприятия, которые по своей сути не являются

значительными. В каком бы отношении не представляли перед ним правовые явления, он дает им, как правило, безоговорочную и однозначную оценку, которая без каких-либо на то серьезных причин может быстро меняться на противоположную.

В силу своего нарциссизма регрессирующий субъект измененного состояния правосознания может быть убежден, что ему открыты настоящие метафизические откровения правовой жизни, которые объективно являются лишь заблуждениями или банальными истинами. Содержание перцептивных отклонений у него обусловлено социокультурными, психологическими и нейрофизиологическими факторами. В качестве внутренних источников искажений выступают скрытые желания и фантазии, базовые страхи и внутренние конфликты, в качестве внешних – значимые феномены права, но часто и объективно незначительные социально-правовые явления, в которые данный индивид вкладывает слишком большой смысл, чему способствует его архаический стиль правового мышления. У субъекта регрессивных изменений правосознания можно наблюдать неадекватность представлений о хронологии значимых для него событий, выражающаяся в виде общей дезориентации в социальном времени и пространстве. Характерно появление противоречивого чувства безвременья, которое может смениться ощущениями ускорения или замедления времени, воспринимаемое им как бесконечное, не поддающееся измерению и подавляющее его.

Снижение формально-логического уровня правового мышления приводит к повышенной внушаемости, возрастающей впечатляемости, предрасположенности автоматически реагировать на те или иные явления социальной действительности и некритично принимать чужие оценки событий общественной жизни (например, суждения или команды лидера). Из-за внутренних страхов возрастает склонность человека к неадекватному восприятию и субъективному представлению о реальных ситуациях правовой жизни. Вместе с понижением уровня критического мышления человека ослабляются его способности к логической проверке истинности суждений, различению субъективной и объективной правовой

реальности. Это стимулирует возникновение у него потребности компенсировать свою слабость через поиск «сильной руки» для постоянной его поддержки и руководства им, что позволяет снизить тревогу, связанную с утратой контроля над собой и окружающим миром. Чем больше стремление индивида компенсировать свою недостаточность, тем сильнее он доверяет внушениям других людей (лидера, оратора, религиозного деятеля, манипулятора), которые представляются ему могущественными и авторитетными фигурами. С размыванием личностных границ индивида у человека появляется склонность идентифицироваться с внешней «могущественной» силой (криминальной структурой, политической партией, тоталитарной религиозной организацией и т.п.). Происходит кризис самоидентификации, в результате которого образуются социальные «инцестуозные» связи.

При снижении уровня самосознания человека происходит размывание границ между «Я» и «Другой», «Я» и «Мир». У него может появиться чувство деперсонализации, произойти своего рода разделение тела и души, когда индивид начинает относиться к своему телу, как к орудию достижения какой-либо цели (подобное происходит у представительниц одной из самых древнейших «профессий»). В сознании может даже меняться образ собственного тела, который оказывается весьма далеким от реального.

Потеря самоконтроля и контроля над окружающей действительностью – весьма сложный социокультурный и психологический феномен¹. Измененные состояния правосознания регрессирующего человека сопровождаются частичной потерей им самоконтроля и контроля над социально-правовыми процессами, в которые он включен. Субъект ощущает обычно страх перед утратой самоконтроля и власти над действительностью. В зависимости от своих индивидуальных черт он может активно сопротивляться этому или, наоборот, приветствовать реальное ослабление своей воли и полностью отдаться течению общественной жизни. Снижение контроля может вызывать чувства бессилия и беспомощности, что у многих людей заканчивается парадоксальным образом: они

---

¹ Людвиг А.М. Измененные состояния сознания // Измененные состояния сознания. М., 2003. С. 23.

обеспечивают еще больший контроль и силу через их утрату, когда компенсаторно идентифицируют себя с силой и всемогуществом властного лидера, которому полностью подчиняются. Нечто похожее можно наблюдать в состояниях мистической одержимости, когда человек отказывается от контроля над своим сознанием для того, чтобы понять божественную истину, почувствовать в себе «космическое сознание», испытать единение с духами или сверхъестественными силами.

Регрессирующий человек, идентифицируя себя с внешней силой, стремится решить внутренние противоречия и сомнения. Но он лишь глубже «загоняет» их в бессознательное, превращаясь в своего рода «тихий омут». Им некритично воспринимаются внушенные идеи, которые становятся первостепенными, тем самым, выполняя функцию внутреннего и внешнего стимулятора его правовых действий. Субъект, став объектом чужой ему воли, достигает своего рода «надмотивационного» состояния, в котором он реализовывает идеи, внушенные ему. Индивид начинает жить в субъективной правовой реальности, которая, как правило, определяется не им самим, а внешними силами (например, ожиданиями авторитетного лидера, асоциальными установками его группы и т.п.). У него может даже заговорить «внутренний голос», отражающий его иррациональные ожидания и социально-психологические страхи. Это обычно происходит, когда внешние «установки» двусмысленны или плохо определены. При определении ориентиров своего правового поведения ему приходится руководствоваться внутренними интенциями своей примитивной душевной жизни. В таких состояниях индивид гораздо более восприимчив к своим эмоциям, фантазиям и мыслям, связанных с ними, чем к социально-позитивным установкам, которые ему пытаются дать другие люди. Его правовые чувства примитивны, эмоциональное выражение меняется из-за ослабления самоконтроля. У него происходят неожиданные и интенсивные вспышки эмоций. Доминирующим может стать «эффект маятника», когда происходит резкий перепад крайних эмоциональных состояний. Например, он быстро переходит от проявлений бурной радости и состояния экстаза к «горьким» слезам и депрессивному

настроению. Для подобного состояния также характерно, что индивид может испытывать интенсивные переживания, но никак не проявлять их. У него снижается чувство юмора, проявление которого становится brutальным и злым.

Регрессивные измененные состояния правосознания всегда деструктивны и по отношению к правовой системе общества, и к самому их носителю – человеку. Тем не менее, вхождение в такие состояния не является чем-то необратимым. В этом процессе всегда существует «точка возврата».

Всегда ли деструктивность измененных состояний правосознания негативна с точки зрения правовой эволюции личности и общественного прогресса? Есть ли такие функции измененных состояний правосознания, которые играют позитивную роль в становлении человека и общества? Думается, что к данному феномену вполне применимо известное положение Гегеля, что все действительное разумно, все разумное действительно. Само существование и распространение таких состояний сознания человека свидетельствует об их значимости в его жизни. Они служат удовлетворению определенных потребностей человека и общества.

Измененные состояния правосознания выполняют важную миссию в процессе развития человека и общества. Они могут рассматриваться как своеобразный итог многих самых разных социально-психологических форм, являющихся последствиями интенций душевной жизни человека (как адаптивных, так и неадаптивных). Если в одних случаях социально-психологическая деформация, обнаруженная в измененных состояниях правосознания, может оказаться вредной для индивида и общества, то в других – она становится на службу его «Я», дав возможность человеку проявить свое личностное начало, переступить границы принятых стандартов и в итоге реализовать свои экзистенциальные потребности в конструктивной форме.

В «Науке феноменологии духа» Гегель утверждал, что до тех пор, пока сознание не завершило конституирование мира, возвратившись тем самым в себя, но не без багажа, а захватив с собой всю так называемую реальность, оно продолжает быть несчастным. Немецкий философ здесь «дает понять весьма важную вещь, а именно, что подобного

рода снятие заведомо оказывается для несчастного сознания чем-то потусторонним. В нем самом оно всякий раз срывается и пробуксовывает. То есть сознание, заключенное в «я» и обретшее персональную форму, несчастно по определению»¹. Но если оно несчастно, «срывается и пробуксовывает», то, возможно, его измененные формы и позволяют ему выходить из очередной «ямы»? Так же как измененные состояния правосознания открывают дорогу не только правовому нигилизму, но и новому юридическому знанию и опыту.

Еще так называемые «примитивные народы» были уверены, что одержимость наделяет человека способностями ясновидения, дающие ему высшие знания, которые невозможно получить при нормальном состоянии сознания. С помощью молитвы, медитации, мистических и трансцендентальных переживаний человек получает необходимый духовный опыт, принимает новые нравственные ценности, разрешает эмоциональные конфликты. Это позволяет ему справляться с возникающими у него социально-психологическими проблемами и легче переносить все тяготы и лишения, выпавшие на его долю. Измененные состояния правосознания могут обогащать правовой опыт человека. Интенсивные этические переживания и правовые чувства, когда субъект полностью «включен» в социально-правовой и психологический конфликт, резко расширяют его опыт и могут служить источником юридических инноваций. Измененное правосознание является важным условием творческого инсайта и разрешения сложных общественно-правовых проблем. Их продуктивность определяется во многом психогенными факторами.

3. Фрейд, отталкиваясь от учения об инстинкте жизни (Эросе), выдвинул гипотезу о существовании другого влечения, противоположного первому, который назвал инстинктом смерти (Танатосом). Феномен жизни объясняется психоаналитиком их противоборством и взаимодействием. Концепцию Фрейда развил Э. Фромм, который был убежден, что в обычном человеке присутствуют две фундаментальные тенденции его развития (биофилия и некрофилия), противоречие между которыми является наиболее глубоким антагонизмом

---

¹ Горичева Т., Иванов Н., Орлов Д., Секацкий Д. Ужас реального. СПб., 2003. С. 224.

человека. Господствующая тенденция развития обуславливает деятельность индивида, его отношение к себе и внешнему миру, систему ценностей, которой он руководствуется. Социальная конструктивность измененного правосознания человека во многом определяется тем, какая тенденция (Эрос или Танатос) является доминирующей в его развитии.

Измененное состояние правосознания следует рассматривать как необходимый этап правового развития человека, который можно представить в виде второго компонента гегелевской триады (тезис → антитезис → синтез). В качестве тезиса здесь выступает нормальное правосознание, сущность которого «подвергла отрицанию свое отрицание и таким образом вышла укрепленной»¹. Этому процессу способствует доминирование биофильной тенденции развития личности. Но, как известно, развитие может идти по пути как прогресса, так и регресса. Во втором случае человек может так и остаться в регрессивном измененном состоянии, постепенно деградируя до животного уровня.

---

¹ Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 137-138.